

Глава I. Начальные версии

Сиприано Мера (18 ноября)

«Мансана предложил мне забраться на чердак так называемого Серро дель Пимьенто, где мы удостоверились, что, действительно, Клинический госпиталь был занят противником. Чтобы восстановить наш контроль, принимая во внимание позиции, необходимо было занять весь противоположный квартал: дом за домом. Для этого мы перешли с точки Серро дель Пимьенто до Каналильо, чтобы наши люди смогли быстро занять позицию на кладбище, которое находится напротив женского монастыря и казармы Гражданской гвардии “Гусман эль Буэно”, а также Института географии и кадастра, Госпиталя Красного Креста и всей колонии маленьких отелей, расположенных к северу от Естадио Метрополитано»¹ .

Антонио Бонилья (19 ноября)

«Уцелевшие бойцы колонны “Дуррути” остались на месте, чтобы продолжить оборону в коттеджах, которые находились со стороны Рейна Виктория (в то время — Пабло Иглесиас) приблизительно в 400 м от Клинического госпиталя; это здание в процессе постройки находилось под контролем франкистов. 18 числа, к ним на помощь подошла колонна “Дель Росаль” из Астурии, и один из её членов, капитан подрывников, сообщил мне, что противник ночью покидал это здание, а утром вновь занимал его. Он предложил мне занять эту позицию той ночью (...). В четыре утра того трагичного дня, 19 ноября, мы произвели залп в сторону здания; в ответ не последовало ни одного выстрела, и поэтому большая группа товарищей заняла постройку. С террасы они кричали мне: слышно ли как они поют “Интернационал”?

Спустя несколько часов произошёл неожиданный инцидент. Как обычно, каждое утро националисты пробрались через туннель, посредством которого они поддерживали связь с Каса де Веласкес² для входа в здание; так противники оказались лицом к лицу. Раздались выстрелы, и погибло несколько людей в частях Дуррути; остальные нашли убежище на верхних этажах. Франкисты через некоторое время отступили, используя всё тот же подземный ход, а бойцы колонны “Дуррути” отошли к пункту коттеджей.

Было 13:00 (19 ноября), когда я решил поговорить с Дуррути, чтобы объяснить создавшуюся ситуацию. Лоренте вёл машину, и меня сопровождал один каталонский плотник, очень храбрый парень, его звали Мигель Дога. Прибыв в штаб-квартиру, мы увидели: “Паккард” Дуррути уже почти отъезжал, и он сидел в машине вместе с Мансаной³ . Я объяснил ему создавшееся положение, и Дуррути решил сам поехать на место. Я сказал Хулио Гравесу (водителю), чтобы он ехал за нами, так как нужно было избегать участков, где шли бои. Он так и сделал. Мансана, как всегда, нёс за плечом свой “нارانхеро”; с шеи свисал завязанный платок — так он иногда поддерживал раненую руку: на прошлой неделе его ранили в палец. Дуррути, как казалось, не был вооружён, но под кожаной курткой висел его

всегдашний “кольт 45”. Их машина ехала за нами, пока мы не прибыли к коттедгам, занятым нашими поредевшими подразделениями. Тогда их автомобиль остановился; мы находились впереди, метрах в двадцати от них.

Дуррути вышел из авто, чтобы сказать что-то «милисьянос», гревшимся там на солнце, за забором. Тот участок не простреливался. Именно в тот момент Дуррути был смертельно ранен, и революция понесла невосполнимую утрату.

Мы сидели в другом автомобиле, впереди, на расстоянии приблизительно двадцати метров, и ожидали примерно три или четыре минуты. Когда Дуррути сел в машину, мы тронулись с места и, посмотрев назад, чтобы проверить, едут ли они за нами, увидели, что их автомобиль разворачивается и быстро едет в обратном направлении. Я вышел из машины и спросил у ребят, что произошло. Они ответили, что кого-то ранили. Я спросил, знали ли они кого именно, и они ответили, что нет. Я сказал Лоренте, что мы должны тотчас же вернуться. Было два с половиной часа пополудни.”

Здесь мы дословно приводим рассказ Бонильи Педро Косте Мусте⁴ ; однако когда мы его расспросили подробнее, на вопрос «слышал ли он выстрел», он нам ответил, что нет; что касается числа сопровождающих в машине Дуррути и кто составлял его охрану, он твёрдо заявил, что из казармы вместе с Дуррути выехали только Мансана и водитель, что первые упомянутые сидели на заднем сиденье автомобиля, и при Дуррути не было никакого “официального охранника”, а просто сопровождающий: “это был товарищ, наиболее близкий к нему в те моменты”. На наш вопрос, знал ли что-либо Бонилья о существовании некоего Рамона Гарсии (“Рагара”, по словам Монтото)⁵ , тот категорично ответил: “в колонне «Дуррути» под таким именем воевали два «милисьянос», но ни один из них не посещал Генеральный штаб колонны, и уж точно они не являлись «охранниками Дуррути». С другой стороны, он не помнит, что какой-либо из упомянутых Рамонов Гарсия приезжал в те дни в Мадрид⁶ . Из приведённого нами текста невозможно извлечь доказательство, на которое можно было бы опереться, описывая, каким именно образом был ранен Дуррути. В рассказе Бонильи существует всего лишь моральная оценка, там речь идёт о “случайном, или преднамеренном выстреле” из “наранхеро”, который нёс Хосе Мансана.

Хулио Гравес (показания Ариэлю, данные в 17:00)

«После обеда мы отправились на линию фронта в Университетском городке, с нами был товарищ Мансана⁷ . Мы подъехали к Куатро Каминос. Оттуда на всей скорости спустились по проспекту Пабло Иглесиас. Пересекли район маленьких отелей, расположенный в конце проспекта, и свернули направо. После больших потерь на площади Монклоа и у стен тюрьмы Модело части Дуррути заняли другие позиции. Светило осеннее солнце. Подъехав к широкому шоссе, мы увидели группу “милисьянос», шедших по направлению к нам. Дуррути понял, что это были молодые бойцы, дезертирующие с линии фронта. То место выглядело разрушенным после боёв. Клинический госпиталь, занятый в те дни частями арабов, господствовал над всеми окрестностями. Тогда Дуррути попросил остановить машину. Я так и сделал, соблюдая меры предосторожности; мы остановились на углу одного из тех небольших отелей. Дуррути вышел из машины и направился к покидающим линию фронта “милисьянос». Спросил у них, куда шли, и так как они замялись, он настоял: они должны

вернуться на свои боевые позиции; Дуррути говорил сурово и чётко.

После того как парни подчинились, Дуррути пошёл назад, к машине. Ливень пуль становился всё сильнее. Послышались яростные выстрелы со стороны яркой громады Клинического госпиталя. Подойдя к дверце машины, Дуррути упал. Ему прострелили грудь. Мансана и я выскочили из автомобиля и тотчас же усадили его в машину. Я, как мог быстро, развернул машину, и мы поехали в Мадрид, к госпиталю каталонских милиций, ведь оттуда мы и приехали. Остальное тебе известно. Это всё»⁸.

Хоан Ларч в своей книге «Гибель Дуррути», приводя показания Хулио Гравеса, неверно истолковывает события, и это приводит к не отвеченному вопросу. Ларч предполагает, что, когда Дуррути и его сопровождающие выехали на улицу Мигель Анхель, то перед тем, как взять курс к Университетскому городку, подъехали к Госпиталю милиций (отель «Ритц»). Такое предположение неверно. Фраза, произнесённая Хулио Гравесом, конкретна: «..., и мы поехали в Мадрид, к госпиталю каталонских милиций, оттуда мы и приехали». Действительно, Хулио Гравес поехал к брату Ариэля, в здание Национального подкомитета НКТ, расположенное на улице Реформа Аграриа, напротив Ретиро. В этом месте корреспондент Soli занимал помещение для секретариата. И именно туда он направился в 17.00, после того как Дуррути остался под наблюдением врачей. Именно там Гравес сообщил Ариэлю о случившемся:

«— Что случилось? — спросил я, обеспокоенный.

— Дуррути смертельно ранен, — ответил мне один из них, — и быть может, уже скончался.

— Но нежелательно, чтобы эта новость стала известной сейчас, — сказал товарищ Хулио Гравес.

Было пять часов вечера. Мы втроём отправились к отелю “Ритц”, где располагался госпиталь Каталонских милиций.

Совсем немногим было известно о предсмертном состоянии Дуррути».

Ариэль продолжает рассказ о его прибытии в отель «Ритц» вместе со своим братом и Хулио Гравесом; также приводит разговор с доктором Сантамарией:

«Я попрощался с ними; мы договорились, что я подъеду позже. Я отправился в Национальный подкомитет НКТ, чтобы сообщить о случившемся. Туда уже прибыли сведения. Говорили о неразглашении и осмотрительности. Я не осмеливался звонить в Барселону и сделал это позднее. Оборона Мадрида диктовала свои правила и более того, если в том была нужда. Необходимо было ждать результатов соглашений, принятых членами конфедеральной организации, которая заседала в те самые минуты⁹.

Водитель Дуррути поехал со мной в редакцию Soli: там мы могли поговорить в более спокойной обстановке». Логично, что свой рассказ Ариэлю Хулио Гравес завершает фразой «оттуда мы и приехали», так как оба прибыли из отеля «Ритц»¹⁰.

Сиприано Мера.

«Во второй половине дня 19 числа я отправился в Комитет Оборона... Поджидая Дуррути, мы беседовали (Валь и Мера). Хотя стрелки часов показывали на час больше назначенного времени, опоздание Дуррути нас не смущало, потому что все мы знали о его занятости и необходимости его присутствия во многих местах. Спустя какое-то время приехал Мансана, он отозвал меня в сторону, чтобы поговорить наедине. Он был не в себе, и я сразу спросил:

— Что случилось, Мансана?

Почти со слезами на глазах он ответил:

— Только что ранили товарища Дуррути, и мне кажется, ему не выжить.

— Что? Какого чёрта? Мы виделись всего несколько часов назад, и он мне сказал, что поедет на свой командный пункт, чтобы отдать распоряжения».

— Да, так и было. Но приблизительно в четыре часа второй половины дня (время указано неверно) один связной сообщил нам, что капитан, командовавший двумя ротами, посланными в Клинический госпиталь, отдал приказ всем своим бойцам отступить. Ты знаешь, как Дуррути относится к таким делам. Он приказал подать машину, и мы тотчас же выехали к Клиническому, чтобы проверить достоверность информации. Я сказал ему, что на самом деле его присутствие для проверки фактов не было обязательным. Я вовсе не думал, что с ним могло что-нибудь случиться, просто придерживался другого мнения, то есть что он должен был оставаться на командном посту, чтобы руководить в спокойной обстановке...

— Но, ладно, что же произошло?

— Мы подъехали к концу проспекта и, не останавливаясь, поехали по улице, которая выходит на восточную сторону Клинического. На этой улице Дуррути приказал машине остановиться, так как увидел бегущего по направлению к нам "милисьяно". Он вышел из автомобиля и спросил, почему он бежит. Тот ответил, что направляется в санчасть, чтобы достать носилки, так как у них были раненые и один погибший в бою. Дуррути не стал его задерживать, и в момент входа в автомобиль (его открытая дверца находилась напротив Клинического) сказал нам, что его ранили...

— Кто был с вами?

— Дуррути, его два связных, Йолди и я.

— Ты думаешь, что выстрел был сделан из госпиталя и что наши уже покинули его?

— Да, без сомнения, то была вражеская пуля.

Товарищ Мансана предупредил меня, что очень важно держать случившееся в секрете, так как бойцы Дуррути после целого ряда волнений могли подумать, что речь шла о покушении. На том мы и расстались, но я сказал Мансане, что необходимо рассказать обо всём Валью. Он

согласился, и мы зашли в кабинет Валя, чтобы сообщить ему страшную новость».

Сиприано Мера продолжает свой рассказ; он повествует о поездке в госпиталь с целью получения информации о состоянии раненого. Прибыв в госпиталь, Мера, Мансана и Йолди опять говорят о целесообразности держать в секрете случившееся, чтобы избежать резкой реакции бойцов колонны «Дуррути». Мера пишет, что в этом разговоре также принял участие Валь, только что подъехавший в госпиталь, и что он посоветовал Сиприано Мере поехать в Валенсию, чтобы сообщить о происходящем Мариано Р. Васкесу, генеральному секретарю НКТ, а также министрам: Гарсии Оливеру и Федерике Монтсени:

«Вновь речь зашла об обстоятельствах ранения Дуррути, и Валь с подозрением спросил у Мансаны:

— Быть может, это дело рук коммунистов?

— Нет, — категорически ответил Мансана, — пуля вылетела из Клинического. Это фатальный случай. Госпиталь уже был под контролем противника (...). Я тотчас же отправился в Валенсию»¹¹. В версии Сиприано Меры есть ряд ошибок. Он путается в указании времени прибытия Мансаны в Комитет Оборона и времени, когда Дуррути ранили. Мансана приехал в 16:00, и в это время Дуррути никак не мог оказаться раненым. Решение о поездке Меры в Валенсию было принято не Валем, а собранием активистов, на котором Хосе Пратс представлял Национальный комитет.

Если сравнивать версии Мансаны и Хулио Гравеса, то они не совпадают ни по сути, ни в деталях. Оба свидетеля придерживаются различных мнений в том, что касается ««милисьянос». Мансана включает в свои показания присутствие Йолди и ещё двух связных. Хулио Гравес утверждает, что присутствовали только он и Мансана. Гравес стоит ближе к действительности, чем Мансана. Тем не менее мы можем подумать, что Мера и здесь допускает ошибку, вполне понятную, так как широко было известно, что Йолди постоянно находился при Дуррути.

Несмотря на указанные ошибки и противоречия, есть что-то общее для всех, и это касается необходимости хранить молчание. Вплоть до 17 часов 19 ноября, весьма скудное число людей знало о произошедшем; эта деталь является общей для всех тех, кто до сих пор высказал свою версию о случившемся.

Роман Кармен.

Кармен был русским кинооператором, сопровождавшим Илью Эренбурга, когда тот, в качестве корреспондента «Известий», освещал события испанской войны. В 1947 году Кармен опубликовал в московском «Новом мире» свой «Блокнот о войне в Испании». На одной из его страниц Кармен рассказывает о последней встрече с Дуррути за несколько часов до его гибели. Он пишет, что в Министерстве обороны встретил Хаджи Д. Мансурова. Тот шёл на встречу с Дуррути с целью убедить его не отводить свою колонну с мадридского фронта. Кармен решил пойти с ним, так как хотел побеседовать с Дуррути, которого не видел ещё с августа, когда вместе с Эренбургом был в Бухаралосе.

«Нас провели в кабинет, где Дуррути диктовал что-то машинистке. Он порывисто встал и, кинувшись навстречу Хаджи, долго пожимал ему руку, словно боялся никогда больше его не увидеть. Его чёрные глаза, всегда светящиеся неистовыми вспышками, сейчас излучали еле уловимую грусть и растерянность. Хаджи несколько дней назад вошёл в состав главного штаба Дуррути в качестве советника, и Дуррути всегда советовался с ним (...)».

По словам Кармена, Дуррути сделал для них экскурсию по дворцу и предложил взять себе любую понравившуюся вещь — картины или что-либо другое, — но всё это было сделано с «намерением избежать объяснения о принятом решении ретировать своих людей с линии фронта».

Хаджи взял его за руку и усадил на большой диван, обитый бархатом.

Тот покорно сел и опустил глаза.

Хаджи посетовал на то, что Дуррути отводит своих людей с линии фронта, потому что такое действие наносило сильный удар по морали защитников. В конце концов он убедил Дуррути продолжать оборону Мадрида:

«— Ладно, я поеду в “бригаду” ...

— Я с тобой, — предложил Хаджи.

— Нет-нет! — словно испугавшись, воскликнул Дуррути. — Нет, я один поеду. — и решительным шагом направился к охране: — Машину! В бригаду!

Дуррути быстро затянул пояс с пистолетом, мы вышли на улицу. Машина с охраной уже стояла наготове. Из здания вышел начальник штаба бригады Дуррути. Рука его на перевязи. Я попросил Дуррути взять меня с собой — хотел снять его в Университетском городке.

Он резко сказал:

— Нет-нет, только не сейчас.

Спросил у начальника штаба:

— Ну, что там у нас? — Дуррути кинулся в машину, и она в сопровождении четырёх мотоциклистов рванула с места. Мы с Хаджи поехали в штаб обороны Мадрида.

Через час, проходя по коридору штаба, я увидел Хаджи. Он стоял спиной ко мне, глядя в окно. Я окликнул его. Он не ответил. Я тронул его за плечо. Он повернулся ко мне, его глаза были полны слёз.

— Что случилось?

— Они убили его. Только что.

Предательский выстрел в спину оборвал жизнь Дуррути в момент самой напряжённой борьбы его с самим собой и с “классическими” анархистами. (...). Он был честным человеком, он готов был сделать правильные выводы из всего, что происходило на его родине, — но они его убили¹².

Если это повествование Кармена заслуживает доверия, нужно задать такой вопрос: кто сообщил о случившемся Хаджи, сразу же после того, как выстрелили в Дуррути?

Противоречивые показания медиков

Дуррути привезли в госпиталь и сразу же поместили в операционную, где он оказался в окружении полдюжины врачей, парализованных «страхом». Так как никто из докторов, стоявших около Дуррути, не хотел брать на себя инициативу в оказании медицинской помощи, было принято решение прибегнуть к хирургу Мануэлю Бастосу Ансарту, который, обследовав раненого, сформулировал «абсолютно безнадёжное заключение (...), после которого в помещении послышался почти что вздох облегчения со стороны всех присутствовавших медиков. Ведь у всех буквально гора свалилась с плеч: их принуждали делать операцию, а смерть пациента во время хирургического вмешательства была вполне вероятна. Наверняка его сообщники обвинили бы оперировавших в смерти раненого, со всеми вытекающими из этого последствиями. Спустя несколько лет я встречал некоторых врачей, присутствовавших в тот день в госпитале, и когда они вспоминали ту сцену, их всё ещё охватывала дрожь; они обсуждали происшедшее только с глазу на глаз и при одном её упоминании бледнели».

Диагноз доктора Бастоса был следующим: «(рана) горизонтально пересекала верхнюю часть брюшной полости и нанесла повреждение важным внутренним органам. Рана была фатально смертельной, и мы ничем не могли помочь пациенту; он доживал свои последние минуты»¹³. Как мы увидим далее, диагноз Бастоса оказался ошибочным. Что касается описания раны, то в нём не указана одна особенность, которая видна под левым соском на том же уровне, что и сердце, и она же просматривается на всех фотографиях безжизненного тела Дуррути. Какова причина такого умалчивания? Мы считаем, что здесь речь идёт не об умалчивании, а о другом: доктор Бастос наверняка, когда работал над книгой, не имел в наличии своих врачебных записей тех дней; и так как ему довелось оперировать тысячи раненых, он путает ранение Дуррути с ранами других своих пациентов. Однако эта ошибка — если наше предположение верно — ещё более увеличивает противоречия вокруг этой темы и способствует усилению атмосферы таинственности, так как не совпадает с диагнозом другого врача — Сантамарии.

Хосе Сантамария Хауме, после кончины Дуррути произвёл вскрытие трупа: «Я разрезал грудную клетку, для того чтобы выяснить, какие повреждения произвела пуля. Грудная клетка Дуррути была очень развитой. Согласно её топографии, мне стало ясно, что в диагнозе произошла ошибка, так как сочли невозможным хирургическое вмешательство. В момент аутопсии я удостоверился, что операция могла бы быть проведена с положительным исходом, хотя, несомненно, раненый был обречён».

Что касается описания раны, по словам Сантамарии, «она была нанесена в результате выстрела, произведённого на расстоянии менее пятидесяти сантиметров от жертвы, вероятно, примерно тридцати пяти; этот расчёт основан на степени пропитки порохом одежды на теле раненого». В отношении пули — «она была крупного калибра — 9. Также рана находилась под левым соском и в грудной клетке»¹⁴. Такое местоположение раны не совпадает с описанием, сделанным Бастосом, и поэтому можно сделать вывод, что речь идёт не о той же самой ране. Или же, говоря об одном и том же, врачи используют различные термины. После указания этого противоречия нужно отметить ещё одно, и мы не в состоянии уяснить: Сантамария признаёт, что «операция могла бы быть сделана с положительным исходом, хотя, несомненно, раненый был обречён». Если раненый наверняка бы не выжил, то операция не могла иметь положительный исход. Но если бы операция дала положительные результаты, это означает, что доктора подразумевали широкий диапазон для выживания пациента. Утверждение Сантамарии в отношении его отрицательного аспекта, по нашему мнению, нужно понимать, как упомянутое доктором Бастосом чувство паники, царившей в среде медиков.

Если подвести итог вышеизложенному, то становится ясным, что указанные противоречия не способствуют выяснению ранения Дуррути, а, напротив, порождают, как мы впоследствии рассмотрим, основы легенды, которая будет окружать тайну его гибели, несмотря на любые попытки её расследования.

Национальный комитет НКТ назначил Рикардо Санса¹⁵, одного из членов группы «Мы», как замену Дуррути на мадридском фронте. В те дни Рикардо Санс исполнял функции Генерального инспектора линий фронта в Арагоне и Каталонии. Когда 20 ноября в 12 часов ночи Гарсия Оливер сообщил Рикардо Сансу о приказе переехать в Мадрид, тот находился в Фигересе. На рассвете 21-го Рикардо Санс выехал в Мадрид и в пункте тюрьмы «Сан-Мигель-де-лос-Рейес» (Валенсия) встретил караван, сопровождавший тело Дуррути в Барселону, где было решено его похоронить. Согласно свидетельству Санса, он обменялся впечатлениями с Мансаной и Мигелем Йолди, делегатами колонны в этой процессии. В своём повествовании он не говорит, о чём они ему рассказали. Санс продолжил путь до Мадрида, куда он прибыл уже вечером.

«Кругом царил полнейший хаос. Никто не хотел верить в смерть Дуррути. (...) Все считали, что он не мог умереть. Могло случиться всё что угодно, только не это (...)» Его убили коммунисты”, — говорили одни. “Его убили выстрелом с балкона”, — добавляли другие. “Его мог убить не кто иной, как его враги”, — совпадали во мнении и те, и другие. Когда говорили таким образом, никто не думал, что Дуррути также мог погибнуть от пули противника, засевшего в траншее, напротив.

Я был глубоко заинтересован в выяснении обстоятельств гибели Дуррути. Мой интерес можно легко понять — в его основе лежали различные причины. Во-первых, Дуррути всю жизнь был моим близким другом. Во-вторых, мне — замене Дуррути — нужно было узнать во всех подробностях всё, что случилось, с тем чтобы знать, каким образом я должен поступать на моём новом посту начальника колонны, ранее под командованием Дуррути».

Рикардо Санс побеседовал с доктором Сантамарией и осмотрел участок Клинического госпиталя. Опросил людей, которые сопровождали его в момент ранения (он не указывает никаких имён); после такого расследования Санс в заключении говорит: «... Я никогда не сомневался, что Дуррути погиб, противостоя противнику и от пули, вылетевшей из здания Клинического госпиталя, находившегося в Университетском городке». И продолжает: «Дуррути, без сомнения, погиб в результате неосторожности (...). Недремлющий враг, увидев остановившийся автомобиль на расстоянии всего лишь одного километра от здания (Клинический госпиталь), подождал, пока его пассажиры выйдут и займут выгодные для их поражения позиции; когда они находились на подходящем расстоянии, противник наудачу выстрелил; в результате был смертельно ранен Дуррути, и двое из его сопровождавших получили более лёгкие ранения.

Так, неожиданно для всех и в момент отсутствия боевых действий, непредвиденная агрессия оборвала драгоценную жизнь нашего Дуррути»¹⁶.

Это заявление Рикардо Санса, сформулированное в 1945 году, имеет ряд недостатков, которые, вместо окончательного разъяснения темы гибели Дуррути, ещё больше затемняют её.

Хулио Гравес и Хосе Мансана, хотя и ошибаются в числе, но говорят, в момент выхода Дуррути из автомобиля, об одном или нескольких «милисьянос». В этой подробности также совпадает Антонио Бонилья. Санс не говорит о присутствии какого-либо «милисьяно» и пишет всего лишь о неосторожности факта выхода из машины в месте, простреливаемом противником. Также Санс упоминает пулемётную очередь, о которой не ведут речь ни Мансана, ни Гравес. А затем Санс противоречит Мансане, который, как мы уже видели, повествует о сильной перестрелке, между тем как Санс пишет: «вокруг царила полнейшая тишина». Санс должен был бы быть более точным в своём изложении фактов и привести имена двух товарищей, раненых наряду с Дуррути.

Не сделав это, быть может, вопреки его желанию, он способствует ещё большей путанице, особенно потому, что приблизительно в то время, когда Санс опубликовал свой рассказ, Ариэль также напечатал свою статью, приводя версию Хулио Гравеса, которая расходилась с историей Санса.

После 1945 года, и если верить напечатанному в книге Хоана Ларча, Рикардо Санс ответил на его вопросник, возможно, в 1970 году. Ответы, приводимые автором, ещё более запутывают эту тему. Раненые, о которых он упоминает — Мансана и Йолди, — но в действительности никто из них не был ранен в описываемом происшествии, это произошло несколько дней спустя. В этом новом показании Санс признаёт, что не встретил в Мадриде никого из тех, кто сопровождал Дуррути в момент трагедии, но поговорил с Мансаной и Йолди недалеко от Валенсии, — факт, о котором Санс не упоминает. Люди, предоставившие Сансу информацию, не присутствовали на месте происшествия; так, Хиль де Монтес находился в Университетском городке, а что касается Хоакина Морланеса, то он в те дни вступал в ряды колонны. Таким образом, версия Санса, вместо того чтобы прояснить сомнения, ещё больше затемняет этот вопрос.

Прежде чем завершить цитирование свидетельства Санса, мы сочли крайне важным привести некоторые факты в отношении бойцов колонны и их психологического состояния, со слов самого Санса.

Он встретился в гарнизоне на улице Гранада с теми, кто уцелел в сражениях и прибыл вместе с Дуррути в Мадрид. На этой встрече также присутствовала Федерика Монтсени; она выступила, чтобы успокоить людей. После слов Санса и Монтсени один из «милисьянос» сказал от имени присутствующих, или, по крайней мере, выразил всеобщее настроение:

«Товарищ Санс. Не удивляйся нашему возбуждению. Мы уверены, что нашего Дуррути убили не фашисты. Это сделали наши враги из лагеря сторонников Республики (...). Над тобой нависла такая же опасность, так как в эти дни стараются уничтожить всех революционно настроенных активистов, потому что есть люди, которые боятся, что революция зайдёт слишком далеко».

Санс так комментирует это выступление: «Все те, кто не погиб, как Дуррути, имели более-менее такое же мнение, что и только что выступивший товарищ»¹⁷.

Ряд участников колонны приняли твёрдое решение вернуться в Арагон, однако, согласно документу, направленному Главнокомандующим X бригады в адрес Хосе Миры, большинство осталось в Мадриде:

«От Главнокомандующего — Хосе Мире, делегату частей Дуррути. Ввиду того, что польская рота должна покинуть населённый пункт Пардо, постарайся, используя свои резервные силы, прикрыть линию фронта, которую польская рота занимает на протяжении заграждения Каса-де-Кампо, начиная с точки Пуэрта-де-Аравака; остальные части останутся в резерве, и для этого прежде собери информацию о тех подразделениях, которые ты заменишь. Командный пункт. 7 декабря 1936. Главнокомандующий» Подпись, инициалы и круглая печать X бригады¹⁸.

Подавляющее число историков, повествуя о теме Мадрида, не только затемняют действия колонны «Дуррути» на этой линии фронта, но, кроме того, после гибели Дуррути убирают её с этого участка. Приведённый нами документ, надеемся, вдохновит упомянутых историков для исправления своих исследований.

21 ноября 1936 года, посвящая событию первую страницу, *Solidaridad Internacional* информировала о смерти Дуррути. Её версия о гибели Дуррути также не способствует разъяснению произошедших фактов. «Наш товарищ направлялся в половине девятого утра к передовым частям колонны. По дороге ему встретились “милисьянос», возвращающиеся с линии фронта. Он остановил автомобиль, и, когда вышел из него, раздался выстрел — как предполагается, из окна одного из небольших отелей в Монклоа. Дуррути упал, не произнеся ни слова. Пуля, сразившая его, насквозь прошла спину. Рана оказалась смертельной».

Кто же предоставил эту информацию газете? Ариэль был её корреспондентом в Мадриде, и, согласно его ранее процитированному рассказу, его версия намного отличается от этого сообщения. Быть может, эти данные представляют одну из фантазий директора *Solidaridad*

Internacional Хасинто Торио?

На следующий день после похорон, другими словами — 23 ноября, были опубликованы первые комментарии. Фашисты, используя радио «Севилья», передали следующее: «Дуррути убили те, кому он был неудобен живой, потому что представлял опасность для своих политических врагов». И затем: «то, что случилось с Дуррути, ожидает многих из его друзей».

В тот же самый день московские «Известия» напечатали: «Создание правительства Народного фронта в значительной степени произошло благодаря давлению Дуррути. Огромные трудности, с которыми он столкнулся в борьбе против фашизма, привели его к эволюции приближения к позиции Коммунистической партии. Покидая арагонскую линию, чтобы примкнуть к защитникам Мадрида, Дуррути заявил: “Да, я чувствую себя большевиком и готов поставить на свой рабочий стол портрет Сталина»¹⁹.

В те дни в Мадриде распространились вышедшие из-под контроля слухи: «Дуррути, убедившись в эффективной организации Коммунистической партии, отказался от идей анархизма и вступил в компартию, при условии, что его поступок останется тайной вплоть до более подходящего момента»²⁰.

С целью опровержения этих версий НКТ и ФАИ опубликовали совместное заявление с вступительными словами Хосе Пейратса: «Для исправления злонамеренных манёвров Комитет НКТ и ФАИ опубликовали 21 ноября следующее заявление:

“Трудящиеся! Засады и внезапные нападения тех, кого называют «пятой колонной», распространили фальшивые и гнусные слухи о том, что наш товарищ Дуррути был злонамеренно убит в результате предательского действия. Перед лицом этой низкой клеветы мы предупреждаем всех товарищей. Речь идёт о грязном поступке, направленном на разрушение колоссального единства действия и мысли пролетариата, которое является наиболее эффективным оружием против фашизма. Товарищи! Дуррути не стал жертвой предательства. Он погиб в бою, как многие борцы за Свободу. Он пал в бою, как герой, исполняя свой долг. Отвергните все злонамеренные слухи, распространяемые фашистами для того, чтобы разрушить наш нерушимый союз. Отвергните их полностью и бесповоротно. Не прислушивайтесь к безответственным лицам, сеющим братоубийственную шумиху. Они — основные враги революции! Национальный Комитет НКТ. Иберийский комитет ФАИ”»²¹.

Как разъяснительный документ обстоятельств гибели Дуррути, это заявление не имеет ценности, однако его основное значение заключается в том, что какими бы ни были эти обстоятельства, величие личности Дуррути оставалось нетронутым, и также нельзя было опровергнуть тот факт, что он погиб в противостоянии с врагом. Конфедеральные и специально созданные комитеты провели тщательное расследование о его гибели, хотя в те дни и не опубликовали результаты, и также не сделали это до сих пор. Из всего этого можно сделать вывод, что в те моменты преобладала идея сохранения единства антифашистского фронта во что бы то ни стало. Тем не менее такое бескорыстие со стороны НКТ и ФАИ в действительности не разделяли их тогдашние союзники, так как один из них, а именно Компартия, не только явилась одним из распространителей лжи в отношении гибели

Дуррути, но и, используя имя Клебера, поспешила заполнить образовавшуюся после его смерти пустоту. Этот поступок 26 ноября разоблачил генерал Висенте Рохо в письме генералу Миахе:

«... Пресса посвятила себя восхвалению этого генерала (Клебера); сразу видно, что оно преувеличено и ложно (...). Что касается его талантов как командира, свидетельства его надуманной популярности тоже неправдоподобны. (Клебер), как кажется, является военным идолом ряда наших политических партий (...), которые представляют его как “каудильо”, способного привести революционный процесс к успеху (...). А это, как и ранее мною отмеченное, чрезвычайно вредно, так как поощряет вождизм, принёсший столько вреда нашей родине; и этот вред ещё более опасен, когда личность, пытающаяся возвыситься, не обладает подлинными талантами вождя»²².

Версия #1

Зверобой создал 27 июля 2025 13:20:40

Зверобой обновил 27 июля 2025 14:11:11